

РАБЛЕ

(Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. - М., 1973. - С. 5-26 - перепечатка издания 1935 года)

Оригинал здесь: <http://www.durov.com/>

1

Рабле был величайшим художником французского Ренессанса, быть может, величайшим французским писателем всех времен и одним из величайших гуманистов эпохи. Его деятельность - большой культурный рубеж. Роман его стоит у высокого подъема ренессансной волны, как "Божественная комедия" Данте стоит у истоков Ренессанса. Обе книги по своему охвату - энциклопедии: поэма Данте - патетическая, роман Рабле - ироническая, та и другая - боевые, направленные против старины, отживающей на разных этапах, в разной мере. Рабле наносил этой старине богатырские удары, от которых ее твердыни рушились так же неудержимо, как башни и стены Ведского замка под ударами дубины Гаргантюа. Рабле кляли со всех сторон. Он оборонялся, маскировался, маневрировал и, несмотря на жесточайший натиск реакции, сумел - это было нелегко - не попасть на костер. Он спас, таким образом, свою книгу и завещал ее родине и человечеству как арсенал смертоносного оружия против противников идейного прогресса и врагов человеческой свободы.

Франсуа Рабле (François Rabelais, род., вероятно, в 1494 г., ум. в 1553 г.) родился в Шиноне. Он был младшим сыном мелкого судебного чиновника. В 1510 году он поступил во францисканский монастырь и до 1524 года пробыл монахом в Фонтене-Леконт. Там он получил сан священника. Но духовные подвиги мало соблазняли даровитого юношу. Он хотел учиться. К великому соблазну товарищей по монастырю, он засел за науку, легко одолел латынь, принялся за греческий, читал Платона, вступил в переписку с главою французских гуманистов Гильомом Бюде. В конце концов, раздраженные этим чрезвычайно нефранцисканским образом жизни Рабле ("пусть не стараются люди необразованные приобрести образование", - учил святой Франциск), монахи отняли у него греческие книги, добытые им с величайшими жертвами. Рабле спасли друзья, выхлопотавшие ему папское разрешение перейти в бенедиктинский орден, не имевший столь пылких обскурантистских традиций. В бенедиктинском аббатстве в Мальезе его поддерживала дружба местного епископа д'Эстисака. Здесь ему не мешал никто. Он не только продолжал свои эллинистические занятия, но стал отдавать все больше и больше времени естествознанию и медицине. В 1528 году - пока еще с разрешения духовного начальства - он отправился в Париж, а оттуда уже самовольно дальше, все с той же целью.

Это была еще пора терпимости. Разбитый при Павии вождем католической реакции Карлом V, королем испанским, взятый в плен, освобожденный на очень тяжелых условиях, Франциск I, естественно, стремился к сближению с немецкими протестантскими князьями и проводил у себя очень либеральную религиозную политику. Гильом Бюде поздравлял себя и своих единомышленников с "возвращением из изгнания" свободного знания. Теперь Рабле мог более свободно, не оглядываясь на монастырские колокольни, отдаваться своим занятиям. Сначала он попал (1530 г.) в Монпелье, где читал лекции, следуя доктринам Гиппократ и Галена, и зарабатывал себе на пропитание то как врач, то как священник. В 1532 г. он уже в Лионе - врачом большой больницы. Отсюда он завязал отношения с Эразмом. Здесь же он начал печататься. В следующем, 1533 году появилась под псевдонимом Alcofribas Nasier (анаграмма его имени) первая часть "Пантагрюэля" - "Ужасающие и устрашающие деяния и подвиги знаменитейшего Пантагрюэля".

Толчком, побудившим Рабле взяться за эту книгу, было появление незадолго перед тем народной книги под заглавием "Великие и неоценимые хроники о великом и огромном великане Гаргантюа", которой, как сообщает Рабле, "в два месяца было продано столько, сколько не купят Библий за девять лет". Главный интерес этой книги составляла, с одной стороны, ее широкая фольклорная основа, с другой - содержащаяся в ней явная сатира на фантастику и авантюрную героику старых рыцарских романов. То и другое, без сомнения, привлекало Рабле, который решил использовать канву лубочного "Гаргантюа". "Пантагрюэль был задуман как продолжение народной книги, сохраняющее в некоторой степени стиль и имитирующее наивную эпичность оригинала: тот же сюжет, те же великаны, но совершенно иной смысл и совершенно иное настроение. Прежде всего имитация очень скоро, можно сказать - с первых страниц, начинает перебиваться ироническим отношением к рассказываемым событиям, и эта ирония остается до конца лейтмотивом всей книги. В этом отношении Рабле следовал